

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книга представляет собою почти дословную выписку из дневников, которые вел я во время своего путешествия по Монголии в 1876 — 1879 гг. Возвращаясь из этого путешествия, я думал было обработать и издать эти дневники непосредственно по прибытии в Петербург; но вот миновало уже более семи лет, а между тем, если не считать изданных мною «Образцов народной литературы монгольских племен», то из всего записанного я успел составить лишь две монографии: «Ургинские хутухты» и «Города Северной Монголии»; отвлекаемый разного рода научными работами я лишен был возможности осуществить свое намерение. В последнее время обстоятельства снова позволили мне обратиться к обработке моих журналов и, конечно, недостатка в выборе вопросов, подлежащих исследованию, не было. Как ни велики за последние годы результаты нашего изучения Монголии, они все-таки оставляют массу не решенного и недоговоренного даже в том, что подвергалось тщательным наблюдениям; а такие, напр., вопросы, каковы юридические, еще и вовсе не обращали на себя внимания наших путешественников. Я постараюсь, по возможности, скорее обнародовать собранные мною сведения и по этой части; но в настоящем случае мне представлялось и более благовременным, и более важным сгруппировать собранные мною сведения о быте буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. Обстоятельства, определившие такой выбор, были самые различные; ими же в значительной степени обуславливалась и та форма, в которой является настоящее издание.

Свое издание очерков быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии я считал благовременным особенно потому, что настоящий 1887-й год почитается у монголов годом трехсотлетнего юбилея возрождения буддизма в Халхе. Известно, что первый буддийский, собственно ламайский, монастырь, Эрдэни-цзу, был начат в Халхе постройкою в 1585 году; в 1586 году он был окончен, а в 1587-м из Тибета прибыл в этот монастырь лама Шиддиту-габджу, который совершил великое освящение (йэхэ рабнай) эрдэни цзуских храмов и учредил здесь правильное ламское общежитие. «С этого времени», говорят халхаские летописи, «вера будды как солнце просияла в Халхе; животворные лучи ее согрели души халхасов и смирили их жестокие нравы: халхасы совершенно вступили на путь десяти белых добродетелей и стали весьма прилежны к деяниям высокородных - святых»¹.

Такие отзывы монгольских летописцев о халхасах, не смотря на свою напыщенную и высокопарную форму, по-видимому, исполнены олицетворенной правды. В самом деле, едва успело миновать столетия со времени закладки Эрдэни-цзуского монастыря, и мы видим, что халхасы не довольствуются уже проповедью и руководством обыкновенных лам, — им потребовался высший, необычайный первосвященник: и вот в Халхе является первый хубилган Чжэбцун-дамба-хутухты. Через пятьдесят лет после сего халхасов имел возможность наблюдать иезуитский миссионер Жербильон и в составленных им записках он характеризует нравы халхасов следующими словами: «Ils sont fort dévots dans leur fausse secte, et presque tous portent des chapelets au col, sur lesquels ils récitent leurs prières. S'ils avoient embrassé la vraie religion, je crois qu'ils seroient de fervens chrétiens: quoique pourtant, à dire vrai, ils sont tellement entêtez de leurs Lamas et de leurs erreurs, qu'il y a peu d'aparence qu'on pût les convertir à la foi, à moins que Dieu ne fit un de ces

---

¹ Эрдэни цзуйн тухэ, л. 17-й.

мире как бы не принадлежа ему. Другими словами это значит, что буддизм руководит теперь не только всеми деяниями, но и суждениями, и намерениями монголов. Нужно ли говорить после этого о важности, какую представляет собою тщательное и основательное изучение буддизма в деле ознакомления с жизнью монголов вообще? Признание этой важности служило также причиною, побудившею меня приступить к изданию моих заметок прежде всего о буддизме в Монголии.

С другой стороны Россия в настоящее время может считать у себя уже миллионы поклонников будды по секте Цзонхавы, а между тем, что знаем мы о Цзонхавинском вероучении, об его обрядах, об его требованиях, о духовной жизни его последователей, о правилах и обязанностях, начертанных для представителей этого вероучения — ламайского духовенства? Почти ровно ничего. В наших коротеньких описаниях отдельных событий из быта ламаитов, равно как и в заметках путешественников мы постоянно встречаем курьезные описания буддийских капищ, наполненных идолами; но что это за идолы, каково их значение, как учит о них сам буддизм и как следовательно смотрят на них сами буддисты? Нам постоянно твердят о том, что духовенство у ламаитов отличается своею невежественностью и своим корыстолюбием; что повсюду оно гнетет народ, не неся на себе ни каких общественных обязанностей и живя исключительно за счет труда других; что это чуть ли ни самый развратный и своевольный класс народа. Но действительно ли это так? Ставлю этот вопрос не для того, чтобы вселить подозрение к этим описаниям ламства, а единственно с целью охарактеризовать сами описания. Мы читаем и слышим в них только огульное порицание целого класса, но мало узнаем примеров и еще менее приобретаем данных для суждения о действительном значении этих примеров. Нам говорят, что ламство невежественно; но чему же должно оно обучаться и что изучает в действительности? Нам говорят, что ламство угнетает народ; но как же проявляется этот гнет и в чем скрываются его причины? Нам говорят о бездеятельности ламства; но в чем же должна состоять его деятельность и какие его обязанности? Нам говорят, что ламство своевольно; но разве мыслимо существование целых общин, не имеющих ни правил, ни порядков, да при том еще религиозных общин? Нам говорят, что у буддистов народ не участвует в богослужениях; но тогда что же это за религия, если она не ставит ни каких отношений между божеством и человеком? Вопросы эти всегда вселяли во мне охоту к исследованию их и я не могу не сказать, что это исследование представило мне очень многое совершенно в обратном виде. При ближайшем знакомстве с буддизмом я нашел в буддийских монастырях стройные правила жизни лам и, по возможности, ознакомился со всеми монастырскими постановлениями, видел отношение лам к народу и религиозную жизнь самого народа. Все это я передаю теперь в печати, ибо мне кажется несомненным, что для правильного отношения к ламству и ламаитам, нам необходимо знать их собственные правила и воззрения; без этого мы никогда не достигнем своей пользы в наших отношениях к исповедующим ламаизм инородцам России.

Законы ламаитов повсюду одинаковы. Посетив в период своего путешествия степи Монголии и Забайкальского края, я естественно говорю в своей книге только о виденном в этих местах; но я полагаю, что совершенно тоже можно находить и у ламаитов, обитающих при кульджинских границах. К этому убеждению приводит меня еще больше то обстоятельство, что, посещая калмыцкие степи астраханской губернии, я находил в них тоже самое, что видел и в Монголии. В нашей литературе о калмыках не редко приходится встречать мнение, что калмыки уже значительно забыли свою религию —

буддизм, что она во многом отличается у них не только от буддизма у монголов, но даже и у бурят. Мнение это представляется однако в высшей степени поверхностным и далеко не оправдываемым на деле, чтобы не сказать неверным вовсе. Правда, калмыки не имеют у себя хутухт, или живых воплощений бодисатв, но что же это значит? Культ их не теряет ровно ничего от этого недостатка: если монголы и буряты разносят даньшик и мандал перед живыми хутухтами, калмыки совершают тот же самый хурал и те же самые обряды перед кумирами будд и бодисатв. Правда, у калмыков нет четырехсаженных кумиров Майдари, какие находим мы в халхаской Урге, или в бурятском Гусиноозерском дацане; но у них масса таких же кумиров в четыре вершка, а не все ли равно для существа религии будет ли кумир измеряться вершком, или саженью? Говорят, что у калмыков и вообще нет многих бурханов; это опять-таки не совсем справедливо и, мне кажется, что люди, высказывающие такое положение, понимают бурханов только литых; но я хорошо знаю, что в калмыцких степях если нет всех изображений бурханов литых, так есть рисованные, а разве это видоизменяет сущность дела? Что касается религиозных обрядов, то в этом отношении калмыки опять-таки не разнятся ни от монголов, ни от бурят. В хурулах их ведется решительно тот же порядок служб, читаются те же номы, исполняются те же обряды. Недостаточность духовенства, правда, препятствует им совершать некоторые богослужения, как напр. чжуд, цам и др.; но несомненно также и то, что из числа калмыцких лам очень многие основательно изучают тарнистические системы и высшую догматику буддизма, следовательно состояние их религии и в этом отношении не отличается от буддизма в Монголии и у бурят. В отношениях к простолюдинам духовенство калмыцких степей совершает те же самые обряды, какие мы видим и в Монголии. Наблюдающие жизнь калмыков несомненно найдут, что у них, при рождении ребенка, также точно совершается обряд «хүхэт аршāлаху», а за сим, по мере возраста человека, будут следовать над ним те же «мэнгэйн цзасал», «чжилийн оролгон», брачные обряды; также призываются у калмыков духовные лица к больному, также направляют они и умершего в блаженное царство Сукавади.

Эта общность буддизма как в Монголии, так в Забайкальи и наконец в наших калмыцких степях, без сомнения, хорошо известна всем, поставленным в необходимость иметь близкие отношения к буддистам и заинтересованным в деле изучения практических сторон буддизма. Последним обстоятельством я именно и объясняю себе, почему собранные мною сведения касательно быта монгольских монастырей и монголо-буддийского духовенства в свое время встретили себе самое лестное внимание со стороны наших администраторов Восточно-Сибирского края как духовного, так и гражданского ведомств. Эти лица не только выражали мне свое желание, а даже указывали на необходимость издания моих заметок по возможности скорее. В частных беседах они выяснили мне и те нужды, которым собственно должен бы был удовлетворять мой труд. От него требовалось, чтобы он дал сведения о должной, обыденной обстановке и жизни буддийских монастырей и монахов, излагал бы именно те правила, которыми руководствуется теперь буддийское духовенство, сообщал бы о каждом предмете именно то учение, те понятия и верования, которые распространены о нем у современных буддистов. Само собою разумеется, что для практических деятелей, — для людей, поставленных в ближайшее отношение к буддистам, такого рода сведения гораздо более необходимы, чем даже научные изыскания об историческом ходе развития буддийских идей; лучшим же способом удовлетворения этих нужд я посчитал именно представление дословных выписок из моего дневника, в который заносилось мною все, что я видел, все

те объяснения, которые передавались мне устно и наконец все те переводы буддийских сочинений, которые давали мне ламы в дополнение своих толкований.

Издавая свой труд, я принял за правило сообщать названия предметов именно по способу монгольского их произношения. Таким образом я пишу: «Вачир-вани», или «Очир-вани», вм. «Вачжра-пани», Майдари вм. Майтрея, Бирузана вм. Вайрочана, «чой чжин» вм. «чойчжон» или «чойчжун» и др. Для многих такое правописание может показаться неправильным и не научным, так как большинство этих имен принадлежит языкам санскритскому и тибетскому, а у монголов, очевидно, является в извращенной форме. Но говоря о буддизме у монголов, я всегда посчитаю за более верное давать вещам и монгольские названия. В самом деле, вес мы знаем, что русское слово «ангел» есть не полное греческое «ἄγγελος;», что слово «иерей» есть искажение греческого «ἱερεὺς»; и однако, пиша о христианстве в России, никто не станет, в видах научности, называть эти предметы их греческими именами, а употребить слова для обозначения их именно в той форме, в какой усвоены они русскими. С другой стороны, такое правописание имеет за собою и то преимущество, что читающему книгу дается возможность всецело войти в область именно монгольского буддизма, а за сим проверять и дополнять мои сведения личными исследованиями. Между тем спросите у любого монгольского, бурятского, или калмыцкого ламы показать вам хурульную принадлежность «вачжра» и он затруднится найти ее вам только потому, что привык называть ее вачир'ом, или очир'ом.

Некоторое различие встретят за сим читатели и в моем произношении слов тибетского литературного текста; как мною на равне употребляется чтение слова «дуйцзан» и «дуйчан» (= дуйчин) и др. Произошло это оттого, что сами монголы имеют у себя двоякое чтение тибетских букв: букву, или слог **ཅ** одни читают *цза*, а другие *ча*. Отдавать преимущество тому или другому чтению мы не имеем никакого основания; оттого как в своих дневниках, так и в настоящей книге я всецело удерживал транскрипцию того чтения, какое я слышал в каждом данном случае выходящим из уст монгола.

Других, требующих объяснения особенностей подлежащего издания мне не представляется в настоящую пору и я приношу только извинение перед читателями за встречающиеся в нем погрешности с внешней стороны. Обращая внимание главным образом на содержание книги, я знаю, что опустил многое со стороны формальной; но надеюсь, что именно это внутреннее достоинство моей работы послужит искуплением ее упущений со стороны внешней.

В заключение считаю долгом выразить мою глубокую признательность Проф. В. П. Васильеву, сообщившему мне имевшийся у него список монгольских хубилганов и Высокопреосвященному Вениамину Иркутскому, который доставил мне два фотографических рисунка, приложенных к настоящей книге.

А. Позднеев.